

Михаил Талалай

Вагоновожатый Брамбилла, изгнанник из Одессы

Историки эмиграции – сейчас даже потихоньку внедряется неуклюжий термин «эмигрантоведы» – традиционно разделяют великий российский исход на три «волны». Однако помимо них существовали малоизвестные и малозаметные потоки, обусловленные определенной исторической ситуацией. Так, в конце 1930-х гг. Советский Союз, когда его границы уже закрылись на надежный замок, неожиданно для Западной Европы изверг достаточно внушительную группу своих жителей, которые эмигрировать не собирались. Ими были «иностранцы», а на внутренней лексике НКВД – «иностранныподданные», которые десятилетиями спокойно жили и трудились в пределах России и других советских республик. Многие из них даже родились тут и не владели никакими иными языками, кроме русского, однако по тем или иным причинам так и не обзавелись советскими паспортами. В числе высланных «иностранцев» встречались даже и такие, которые приняли советское гражданство, однако в глазах спецслужб оставались-таки «иностранцами».

Репрессивная акция государства могла бы показаться неким проявлением общей шизофрении советского строя, однако она лежала в русле большой внутренней политики, направленной на «зачистку» населения в свете грядущей войны с капиталистическим миром. В 1937 г. для ликвидации возможной «пятой колонны» наряду с кровавым террором власти пошли на относительно мягкие меры – высылку из страны.

В состав подозрительного контингента попали и «итальянцы», то есть жители СССР с итальянскими корнями, иногда

и весьма слабыми. Это тоже было не случайно: Муссолини, несмотря на дипломатические и иные отношения с красной Москвой, всегда декларировал свое ярое антикоммунистическое кредо. Как показал дальнейший ход событий, в самом деле, дуче ввязался в войну на стороне Гитлера, а на оккупированных территориях итальянская армия старалась опереться на малочисленных уже к тому времени «русских итальянцев», так же, как – но в значительно большем масштабе – немцы опирались на т. н. фольксдойче.

Таким образом, в конце 1930-х гг. в Советском Союзе развернулась государственная операция по искоренению нежелательных «иностранныподанных». В ее начале, в 1937 г., как известно, она приняла самые страшные формы – в числе жертв террора оказалось множество и политэмигрантов из Европы, в том числе и итальянских антифашистов. Чуть позднее арестам и казням стали сопутствовать увольнения из советских учреждений и последующая высылка.

Механизм таких репрессий в отношении «итальянцев» можно косвенно восстановить по материалам Государственного архива г. Неаполя, где в рассекреченных полицейских досье из городской префектуры находятся различные документы – все 1938 года – относительно высланных из Советского Союза людей. Прибывшие в Италию без средств к существованию, без знания языка, они создали тут серьезную гуманитарную проблему с идеологическим оттенком: правительство Муссолини представляло все случившееся как очередную варварскую выходку большевизма, на которую «историческая родина» высланных должна была ответить самым цивилизованным, патриотическим образом. Однако в действительности достойно принять русских «итальянцев» оказалось непросто.

Случай одессита Эрнесто Брамбиллы представляется весьма типичным. Родившись в черноморском городе (19 октября 1879 г.) в семье итальянских переселенцев, он по каким-то причинам не удосужился принять российское подданство, а позднее советское гражданство. Репатриацией занималось итальянское консульство в Одессе – самым важным и сложным оказалась финансовая сторона дела. Брамбилла, естественно, желал поменять накопленные рубли на западную валюту, однако консул в своей

объяснительной записке описывал разного рода затруднения для такой операции: невозможность точно определить курс обмена, явно заниженный советским государством; невозможность в целом удовлетворить репатрианта из-за ограниченного бюджета консульства и проч. В итоге Брамбилла депонировал в Одессе свои сбережения, получив позднее за них в Италии лиры, а также 120 долларов подъемных. Вероятно, его сбережения были довольно скромные, так как в Одессе Брамбилла работал вагоновожатым на трамвайной линии.

Финансовую сторону авторитетно разъяснило и специально этому посвященное письмо посла Итальянского королевства в Москве от 24 января 1938 г., где он сообщал, что советским законодательством запрещен вывоз валюты из страны, и посему предложен выход через депонирование, однако при этом принято решение не принимать от репатриантов «более двух-трех тысяч рублей».

Вместе с Брамбиллой в Италию отправилась его супруга Мария Бланшинки (Blanscinchi), также уроженка Одессы (родилась 29 июля 1886 г.), ее родная сестра Эмма (тоже одесситка, 1878 года рождения) и их престарелая мать, то есть теща Эрнесто Брамбиллы, тоже Мария, родом с Сицилии (родилась 5 марта 1855 г. в Мессине).

Брамбилла, живя в Одессе, сохранял, как следовало из досье, связи с итальянскими родными, в частности с дядюшкой Феличе Тоскано, который, похоже, не проявил особого участия к доле репатриантов (возможно, именно переписка с итальянским дядюшкой и стала причиной подозрений советских спецслужб и последующей высылки). В качестве возможного выхода из проблем Брамбиллы один высокий полицейский чин в Риме писал, что следует узнать экономическую ситуацию дядюшки и по возможности призвать его к ответственности, но неизвестно, сработал ли такой ход.

Эрнесто Брамбилла, взявший на себя ответственность и за трех выехавших с ним женщин, бомбардировал итальянские инстанции просьбами о субсидиях в качестве беженца (*profugo*). В одном письме он пишет о своем психологическом стрессе: «После 58 лет жизни в Одессе правительство СССР отказало мне

в виде на жительство, и я был вынужден уехать». Нажимал он и на патриотическую педаль: «Обо мне можно узнать в консульстве [в Одессе] как о верном итальянском гражданине (*devoto cittadino italiano*)».

Брамбилла добрался со своими просьбами и жалобами до самых высоких инстанций: в письме от 23 февраля 1938 г. министр внутренних дел Г. Буффарини предписывал префектуре Неаполя выделить единовременную субсидию, воспользовавшись особым государственным фондом для итальянских беженцев из Турции и Испании (для России такого фонда в Италии не завели). Вероятно, распоряжение министра было выполнено.

Родом из Одессы была и некая Мария Руттар (*Ruttar*), письмо которой от 21 марта 1938 г. тоже попало в неаполитанские полицейские папки. Бывшую одесситку направили на самый север Италии, в глухой тогда край Фриули – в местечко Сан-Леонардо-пер-Чивидале (*San Leonardo per Cividale*). Интересен выбор этой зоны, где всегда жило довольно компактное славянское население (словены) – итальянские власти посчитали, что русскоязычной репатриантке будет там проще пройти итальянизацию. Однако похоже, что Руттар чувствовала себя там неуютно, так как в своем письме она ходатайствовала о переводе в Триест, блестящий портовый город, где, по ее сведениям, для изгнанников (*espulsi*) были организованы специальные курсы итальянского языка.

Более отчаянное – письмо Марии Филипповны Курц (*Curz*). Не распространяясь о своей биографии, она переходит к главному: по прибытию в Неаполь ее поместили в богадельню, в «*Reale Albergo dei Poveri*», «Королевскую гостиницу для бедняков», учрежденную еще в XVIII в. При этом несчастной репатриантке почему-то не отдали ее багаж. Резюме Курц звучит почти как обвинительный акт: «Нам обещали другое!».

Фондов для помощи изгнанникам из СССР, как уже говорилось, не существовало: к лету 1938 г. их беды вышли уже на национальный уровень. 15 июня 1938 г. тот же министр Буффарини разослал по префектурам циркулярную телеграмму с наказом помогать им, указав без обиняков причину – «*per ragioni politiche*» (по политическим мотивам). Этой телеграмме предшествовали донесения с мест – так, 22 мая 1938 г. префект Неаполя г. Марциали

писал в Рим о своем бессилии: «Мы не можем им помочь... они родились в России... не знают итальянского...». Письмо префект заключал следующим образом: «Мы должны дать им чувство, что Родина их не оставила», – не указав, правда, какими конкретными мерами.

Свои невзгоды пространно изложил другой житель неаполитанской богадельни, Никола Патриарка (Patriarca), в письме в префектуру Неаполя от 26 февраля 1938 г. Он прибыл в Неаполь морским путем из Одессы 17 октября 1937 г. Первый месяц на средства из бюджета префектуры Патриарка жил в одной гостинице, но потом в середине ноября субсидия закончилась – и его выселили. Пять дней Никола провел на улице, «под дождем», пока не встретил одного неаполитанца, «говорящего по-русски»: тот взял у него в залог личные вещи и отвел жить в семью, где репатриант прожил зиму, пока и оттуда его не выселили. В итоге Никола попал все в ту же богадельню «Albergo dei Poveri». Отчаянное письмо заканчивалось так: «Мне 45 лет... я не говорю по-итальянски... но я никогда не был арестован... местные власти мне не помогают».

В богадельню «Albergo dei Poveri» был определен еще один репатриант, Арканджело Эспозито, родившийся под Неаполем в местечке Секондильяно (Secondigliano) 23 мая 1866 г. В Неаполь морским путем из Одессы он прибыл в марте 1938 г. Можно подсчитать, что репатрианту в тот момент было уже 72 года. В своем письме он просил вручить ему итальянские лиры, причитающиеся за советские рубли: покидая СССР, Эспозито сделал денежный перевод в итальянское посольство в Москве и теперь долго ждал результата.

Алессио (Алексей) Гамбарделла, прибыв в Италию с женой и с братом Владимиром (брата при этом «куда-то услали»), был определен в городок Кастелламаре-ди-Стабия, неподалеку от Сорренто, на берегу Неаполитанского залива. Однако, похоже, курортные красоты ему не приносили утешения. В письме Гамбарделлы от 26 марта 1938 г. сквозит тоска: да, он учит итальянский, «но без толку», по утрам приходит в муниципалитет и сидит там без дела до обеденного перерыва, когда ему приносят – туда же, в муниципалитет – еду; после обеда «слоняется по городу»...

Монументальная «Королевская гостиница для бедняков» в Неаполе – государственная богадельня, куда часто определяли итальянских репатриантов из СССР в 1937-1938 гг.

Другой репатриант, Эдоардо Амато, родился 17 октября 1896 г. в Неаполе. В эпоху нэпа, в 1922 г., миланская фирма «Rossari e Varzi», занимавшаяся продажей тканей, послала его в командировку в Советскую Россию. Командировка по причинам, не разьясненным Амато, затянулась на многие годы, более того, неаполитанец почему-то обосновался во Владивостоке, где он, впрочем, не чувствовал себя вполне уютно из-за «климата и хаотического правления». Несмотря на это, он продолжал там обитать, пока от властей не пришел строгий наказ – «стать русским или репатрироваться». Амато выбрал последнее...

В итоге в папку неаполитанской префектуры попали послания людей, травмированных насильственной репатриацией. Наверняка были и такие, которые нашли своих родных и, вписавшись в ситуацию, не слали письменных жалоб в разные учреждения.

К сожалению, окончание приведенных выше житейских историй неизвестно – в досье отразилась только их завязка: неустойчивость и беды изгнанников. Однако нет сомнений, учитывая характерную для итальянского народа отзывчивость, что они как-то устроились. В любом случае, оставшись в СССР, они наверняка претерпели бы много больше бед... Мы можем предполагать, что обладатели звучных итальянских фамилий язык своих предков таки выучили. Можем предполагать, что они, в большинстве своем еще не старые люди, какое-то применение себе на исторической родине нашли.

Материал статьи собран в Государственном архиве Неаполя:
Archivio di Stato di Napoli, Prefettura, Il versamento, Stanza 188, Fs. 1136.

От редакции. Из большой семьи итальянцев Брамбилла и сегодня в Одессе проживают двое хранителей фамилии – инженер Валентин Брамбилла и его сестра.

